

Глава I

О НАРОДАХ, ИЗДРЕВЛЕ ОБИТАВШИХ В РОССИИ. О СЛАВЯНАХ ВООБЩЕ

*Древние сведения греков о России.
Путешествие аргонавтов.
Тавры и киммеряне. Гипербореи.
Поселенцы греческие. Ольвия,
Пантикапея, Фанагория, Танаис,
Херсон. Скифы и другие народы.
Темный слух о землях полуночных.
Описание Скифии.
Реки, известные грекам.
Нравы скифов: их падение.
Митридат, геты, сарматы,
аланы, готфы, венеда, гунны,
анты, угры и болгары.
Славяне: их подвиги.
Авары, турки, огоры.
Расселение славян. Падение аваров.
Болгария. Дальнейшая судьба
народов славянских.*

<Древние сведения о России.> Сия великая часть Европы и Азии, именуемая ныне Россиею, в умеренных ее климатах была искони обитаема, но дикими, во глубину невежества погруженными народами, которые не ознаменовали бытия своего никакими собственными историческими памятниками. Только в повествовании греков и римлян сохранились известия о нашем древнем отечестве. *<Путешествие аргонавтов.>* Первые весьма рано открыли путь через Геллеспонт и Воспор Фракийский* в Черное море, если верить славному путешествию аргонавтов в Колхиду, воспетому будто бы самим Орфеем, участником оного, веков за XII до Рождества Христова. *<Тавры и киммеряне.>* В сем любопытном стихотворении, основанном по крайней мере на древнем предании, названы Кавказ (славный баснословными муками несчастного Прометея), река Фазис (ныне Рион), Миотисское или Азовское море, Воспор, народ каспийский, тавры** и киммеряне, обитатели Южной

* Геллеспонт и Воспор Фракийский — проливы Дарданеллы и Босфор.

** Тавры — народ, населявший в древности Таврики (Крым); упомянуты в трудах античных авторов (VI в. до н. э. — I в. н. э.). К началу н. э. смешались со скифами и обычно назывались «таврскифы».

России. Певец Одиссеи также именует последних. «Есть народ киммерийский (говорит он) и город Киммерийон, покрытый облаками и туманом, ибо солнце не озаряет сей печальной страны, где беспрестанно царствует глубокая ночь». Столь ложное понятие еще имели современники Гомеровы о странах Юго-Восточной Европы; но басня о *мраках Киммерийских* обратилась в пословицу веков, и Черное море, как вероятно, получило оттого свое название. <Гирерборей.> Цветущее воображение греков, любя приятные мечты, изобрело гипербореев, людей совершенно добродетельных, живущих далее на север от Понта Эвксинского*, за горами Рифейскими**, в счастливом спокойствии, в странах мирных и веселых, где бури и страсти неизвестны; где смертные питаются соком цветов и росой, блаженствуют несколько веков и, насытившись жизнью, бросаются в волны морские.

Наконец сие приятное баснословие уступило место действительным историческим познаниям.

<Поселенцы греческие.> Веков за пять или более до Рождества Христова греки завели селения на берегах черноморских. <Ольвия.> Ольвия, в 40 верстах от устья днепровского, построена выходцами милетскими еще в славные времена Мидийской империи, называлась *счастливою* от своего богатства и существовала до падения Рима; в благословенный век Траянов обра-

зованные граждане ее любили читать Платона и, зная наизусть Илиаду, пели в битвах стихи Гомеровы. <Пантикапея и Фанагория.> Пантикапея и Фанагория были столицами знаменитого царства Воспорского, основанного азиатскими греками в окрестностях Киммерийского пролива. <Танаис, Херсон.> Город Танаис, где ныне Азов, принадлежал к сему царству; но Херсон Таврический (коего начало неизвестно) хранил вольность свою до времен Митридатовых. Сии пришельцы, имея торговлю и тесную связь с своими единосемцами, сообщили им верные географические сведения о России Южной, и Геродот, писавший за 445 лет до Рождества Христова, предал нам оные в своем любопытном творении.

<Скифы и другие народы.> Киммерияне, древнейшие обитатели нынешних губерний Херсонской и Екатеринославской — вероятно, единоплеменные с германскими цимбрами — за 100 лет до времен Кировых были изгнаны из своего отечества скифами или сколотами, которые жили прежде в восточных окрестностях моря Каспийского, но, вытесненные оттуда массагетами, перешли за Волгу, разорили после великую часть Южной Азии и наконец утвердились между Истром и Танаисом (Дунаем и Доном), где сильный царь Персидский, Дарий, напрасно хотел отмстить им за опустошение Мидии и где, гоняясь за ними в степях обширных, едва не погибло все его многочисленное войско. Скифы, называясь разными именами, вели жизнь кочевую, подобно киргизам или калмыкам; более все-

* Понт Эвксинский — Черное море.

** Рифейские горы — Уральские.

го любили свободу; не знали никаких искусств, кроме одного: «езде настигать неприятелей и везде от них скрываться»; однако ж терпели греческих поселенцев в стране своей, заимствовали от них первые начала гражданского образования, и царь Скифский построил себе в Ольвии огромный дом, украшенный резными изображениями сфинксов и гриффов. — Каллипиды, смесь диких скифов и греков, жили близ Ольвии к западу; алазоны в окрестностях Гипаниса, или Буга; так называемые *скифы-земледельцы* далее к северу, на обоих берегах Днепра. Сии три народа уже сеяли хлеб и торговали им. На левой стороне Днепра, в 14 днях пути от его устья (вероятно, близ Киева), между *скифами-земледельцами* и кочующими было их царское кладбище, священное для народа и неприступное для врагов.

Главная Орда, или *Царственная*, кочевала на восток до самого Азовского моря, Дона и Крыма, где жили тавры, может быть единоплеменники древних киммериян: убивая иностранцев, они приносили их в жертву своей *богине-девице*, τῆ Παρθένω, и мыс Севастопольский, где существовал храм ее, долго назывался Παρθένιον. Геродот пишет еще о многих других народах *нескифского* племени: агафирсах в Седмиградской области или Трансильвании, неврах в Польше, андрофагах и меланхленах в России: жилища последних находились в 4000 стадиях, или в 800 верстах, от Черного моря к северу, в ближайшем соседстве с андрофагами; те и другие питались человеческим мясом. Меланхлены назывались

так от черной одежды своей. Невры «обращались ежегодно на несколько месяцев в волков», то есть зимою покрывались волчьими кожами. — За Доном, на степях Астраханских, обитали сарматы, или савроматы; далее, среди густых лесов, будины, гелоны (народ греческого происхождения, имевший деревянную крепость), ирки, фиссагеты (славные звероловством), а на восток от них — скифские беглецы *Орды Царской*. Тут, по сказанию Геродота, начинались каменистые горы (Уральские) и страна агриппеев, людей *плосконосых* (вероятно, калмыков). До селе ходили обыкновенно торговые караваны из городов черноморских: следственно, места были известны, также и народы, которые говорили семью разными языками.

<Слух о землях *полуночных*.> О дальнейших *полуночных* землях носился единственно темный слух. Агриппеи уверяли, что за ними обитают люди, которые спят в году шесть месяцев: чему не верил Геродот, но что для нас понятно: долговременные ночи холодных климатов, озаряемые в течение нескольких месяцев одними северными сияниями, служили основанием сей молвы. — На восток от агриппеев (в Великой Татарии!) жили исседоны, которые сказывали, что недалеко от них *грифы стругут золото*; сии баснословные грифы кажутся отчасти историческою истиною и заставляют думать, что драгоценные рудники Южной Сибири были издревле знаемы. Север вообще славился тогда своим богатством или множеством золота. Упомянув о разных ордах, кочевав-

Глава I

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ЯРОСЛАВ II ВСЕВОЛОДОВИЧ. 1238–1247 гг.

*Бодрость Ярослава.
Свойства Георгия.
Освобождение Смоленска.
Междоусобия.
Батый опустошает Южную Россию.
Красота Киева. Великодушие
граждан. Осада и взятие Киева.
Состояние России.
Причина успехов Батыевых.
Свойства и оружие моголов.
Происшествия в Западной России.
Спись венгерского короля.
Слава Александра Невского.
Россия в подданстве моголов.
Кончина и свойства Ярослава.
Убиение Михаила. Даниил,
честимый в Орде.
Любопытные известия о России
и татарах.
Политика Даниилова.
Даниил — король Галицкий.*

<Бодрость Ярослава.> Ярослав приехал господствовать над развалинами и трупами. В таких обстоятельствах государь чувствительный мог бы возненавидеть власть, но сей князь хотел славиться деятельностью ума и твердостью души, а не мягкосердечием. Он смотрел на повсеместное опустошение не для того, чтобы проливать слезы, но чтобы лучшими и скорейшими средствами загладить следы оного. Надлежало собрать людей рассеянных, воздвигнуть города и села из пепла — одним словом, совершенно обновить государство. Еще на дорогах, на улицах, в обгорелых церквах и домах лежало бесчисленное множество мертвых тел: Ярослав велел немедленно погребать их, чтобы отвратить заразу и скрыть столь ужасные для живых предметы; ободрял народ, ревностно занимался делами гражданскими и приобретал любовь общую правосудием. Восстановив тишину и благоустройство, великий князь отдал Суздаль брату Святославу, а Стародуб Иоанну. Народ, по счастливому обыкновению человеческого сердца, забыл свое горе; радовался новому спокойствию и порядку; благодарил Небо за спасение еще многих князей своих; не знал, что Россия уже лишилась главного сокровища государственного — независимости, и слезами искреннего умиления оросил гроб Георгиев, перевезенный из Ростова во Владимир.

<1239 г. Свойства Георгия.> Георгий в безрассудной надменности допустил

татар до столицы, не взяв никаких мер для защиты государства, но он имел добродетели своего времени: любил украшать церквы, питал бедных, дарил монахов — и граждане благословили его память.

<Освобождение Смоленска.> Ко славе государя, попечительного о благе народном, великий князь присоединил и славу счастливого воинского подвига. Литовцы, обрадованные бедствием России, завладели большею частию Смоленской области; Ярослав, разбив их, пленил князя Литовского, освободил Смоленск и посадил на тамошнем престоле Всеволода Мстиславича, Романова внука, княжившего прежде в Новгороде.

<Междоусобия.> Между тем князья Южной России, не имев участия в бедствиях Северной, издали смотрели на оные равнодушно и думали единственно о выгодах своего особенного властолюбия. Как скоро Ярослав выехал из Киева, Михаил Черниговский занял сию столицу, оставив в Галиче сына, Ростислава, который, нарушив мир, овладел Данииловым Перемышлем. Чрез несколько месяцев Даниил воспользовался отсутствием Ростислава, ходившего со всеми боярами на Литву; нечаянно обступил Галич; подъехал к стенам и, видя на них множество стоящего народа, сказал: «Граждане! доколе вам терпеть державу князей иноплеменных? не я ли ваш государь законный, некогда вами любимый?» Все ответствовали единодушным восклицанием: «Ты, ты — наш отец, Богом данный! иди: мы твои!» Воевода Ростислава и галицкий епископ Артемий хотели удержать народ, но не могли и должны были встретить Даниила, скрывая внутреннюю досаду под личиною притворного веселия. Никогда в сем городе, славном мятежами, измена-

ми, злодействами, не являлось зрелища столь умилительного: граждане, по выражению летописца, *стремились к Даниилу, как пчелы к матке или как жаждущие к источнику водному*, поздравляя друг друга с князем любимым. Даниил принес благодарность Всевышнему в соборной церкви Богоматери, поставил свою хоругвь на Немецких воротах и, восхищенный знаками народного усердия, говорил, что никто уже не отнимет у него Гаиича. Сведав о происшедшем, Ростислав бежал в Венгрию, будучи женихом королевы, Белиной дочери, а бояре галицкие упали к ногам Данииловым. Редкое милосердие сего князя не истощилось их злодеяниями; он сказал только: «Исправьтесь!» — и надеялся великодушием обезоружить мятежников. В самом деле они усмирились, но тишина, восстановленная Даниилом в сих утомленных междоусобиями странах, была предтечею ужасной грозы.

Батый выходил из России единственно для того, чтобы овладеть землею половцев. Знаменитейший из их ханов, Котян, тесть храброго Мстислава Галицкого, был еще жив и мужественно противился татарам; наконец, разбитый в степях астраханских, искал убежища в Венгрии, где король, приняв его в подданство с 40 000 единоплеменников, дал им земли для селения. Покорив окрестности Дона и Волги, толпы Батыевы вторично явились на границах России; завоевали Мордовскую землю, Муром и Гороховец, принадлежавший владимирскому храму Богоматери. Тогда жители великого княжества снова обеспамятели от ужаса: оставляя дома свои, бежали из места в место и не знали, где найти безопасность.

<Батый опустошает Южную Россию.> Но Батый шел громить южные преде-

лы нашего отечества. Взяв Переяславль, татары опустошили его совершенно. Церковь Св. Михаила, великолепно украшенная серебром и золотом, заслужила их особенное внимание: они сравняли ее с землею, убив епископа Симеона и большую часть жителей. Другое войско Батыево осадило Чернигов, славный мужеством граждан во времена наших междоусобий. Сии добрые россияне не изменили своей прежней славе и дали отпор сильный. Князь Мстислав Глебович, двоюродный брат Михаил, предводительствовал ими. Бились отчаянно в поле и на стенах. Граждане с высокого вала разили неприятелей огромными камнями. Одержав наконец победу, долго сомнительную, татары сожгли Чернигов, но хотели отдыха и, через Глухов отступив к Дону, дали свободу плененному ими епископу Порфирию. Сим знаком отличного милосердия они хотели, кажется, обезоружить наше духовенство, ревностно возбуждавшее народ к сопротивлению. — Князь Мстислав Глебович спас жизнь свою и бежал в Венгрию.

Уже Батый давно слышал о нашей древней столице днепровской, ее церковных сокровищах и богатстве людей торговых. Она славилась не только в Византийской империи и в Германии, но и в самых отдаленных странах восточных, ибо арабские историки и географы говорили об ней в своих творениях.

<1240 г. Красота Киева.> Внук Чингисхана, именем Мангу*, был послан осмотреть Киев: увидел его с левой стороны

* Мункэ (Мангу; 1208–1259) — 4-й великий хан (каан) Монгольской империи (1251–1259); внук Чингисхана, сын Толюя, брат Хубилая и Хулагу; участник Западного похода (1236–1242).

Днепра и, по словам летописца, не мог надивиться красоте оною. Живописное положение города на крутом берегу величественной реки; блестящие главы многих храмов, в густой зелени садов; высокая белая стена с ее гордыми воротами и башнями, воздвигнутыми, украшенными художеством византийским в счастливые дни Великого Ярослава, — действительно могли удивить степных варваров. Мангу не отважился идти за Днепр, стал на Трубеже, у городка Песочного (ныне селения Песков) и хотел лестию склонить жителей столицы к подданству.

<Великодушие граждан.> Битва на Калке, на Сити, пепел Рязани, Владимира, Чернигова и столь многих иных городов свидетельствовали грозную силу моголов: дальнейшее упорство казалось бесполезным, но честь народная и великодушие не следуют внушениям боязливого рассудка. Киевляне все еще с гордостью именовали себя старшими и благороднейшими сынами России: им ли было смиренно преклонить выю** и требовать цепей, когда другие россияне, гнушаясь унижением, охотно гибли в битвах? Киевляне умертвили послов Мангу-хана и кровию их запечатлели свой обет не принимать мира постыдного. Народ был смелее князя: Михаил Всеволодович, предвидя месть татар, бежал в Венгрию, вслед за сыном своим. Внук Давида Смоленского, Ростислав Мстиславич, хотел овладеть престолом киевским, но знаменитый Даниил Галицкий, сведав о том, въехал в Киев и задержал Ростислава как пленника. Даниил уже знал моголов: видел, что храбрость малочисленных войск не одолеет столь великой силы, и ре-

** Т. е. поклониться (выя — шея).

Глава I

ГОСУДАРЬ ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВАСИЛИЙ ИОАННОВИЧ. 1505–1509 гг.

*Тесное заключение и смерть
Иоаннова внука, Димитрия. Общий
характер Василиева правления.
Посольство в Тавриду. Царевич
Казанский принимает веру нашу
и женится на сестре великого князя.
Поход на Казань. Дела литовские.
Война с Сигизмундом, Александровым
наследником. Мир. Союз с Менгли-
Гиреем. Освобождение Летифа.
Неудовольствия нашего посла
в Тавриде. Мирный договор
с Ливониею. Дела Пскова: конец его
гражданской вольности.*

Василий приял державу отца, но без всяких священных обрядов, которые напомнили бы россиянам о злополучном Димитрии, пышно венчанном и сверженном с престола в темницу. Василий не хотел быть великодушным: ненавидя племянника, помня дни его счастья и своего уничтожения, он безжалостно осудил сего юношу на самую тяжкую неволю, сокрыл от людей, от света солнечного в тесной, мрачной палате. Изнуряемый горестию, скукою праздного уединения, лишенный всех приятностей жизни, без отрады, без надежды в летах цветущих, Димитрий преставился в 1509 году, быв одною из умилительных жертв лютой политики, оплакиваемых добрыми сердцами и находящих мстителя разве в другом мире. Смерть возвратила Димитрию права царские: Россия увидела его лежащего на великолепном одре, торжественно отпеваемого в новом храме Св. Михаила и преданного земле подле гроба родителява.

Завещание, писанное сим князем в присутствии духовника и боярина, князя Хованского, свидетельствует, что он и в самой темнице имел казну, деньги, множество драгоценных вещей, отчасти данных ему Василием,

как бы в замену престола и свободы, у него похищенных. Исчислив все свое достояние, жемчуг, золото, серебро (весом более десяти пуд), Дмитрий не располагает ничем, а желает единственно, чтобы некоторые из его земель были отданы монастырям, все крепостные слуги освобождены, вольные призрены, купленные им деревни возвращены безденежно прежним владельцам, долговые записи уничтожены, и просит о том великого князя без унижения и гордости, повинуюсь судьбе, но не забывая своих прав.

Государствование Василия казалось только продолжением Иоаннова. Будучи подобно отцу ревнителем самодержавия, твердым, непреклонным, хотя и менее строгим, он следовал тем же правилам в политике внешней и внутренней; решал важные дела в совете бояр, учеников и сподвижников Иоанновых; их мнением утверждая собственное, являл скромность в действиях монархической власти, но умел повелевать; любил выгоды мира, не страшась войны и не упуская случая к приобретениям, важным для государственного могущества; менее славился воинским счастьем, более опасною для врагов хитростию; не унижал России, даже возвеличил оную, и после Иоанна еще казался достойным самодержавия.

Зная великую пользу союза Менгли-Гиреева, Василий нетерпеливо желал возобновить его: уведомил хана о кончине родителя и требовал от него новой *шертной*, или клятвенной, грамоты. Менгли-Гирей прислал

ее с двумя своими вельможами: бояре московские нашли, что она не так писана, как данная им Иоанну, и предложили иную. Послы скрепили оную печатями, а великий князь отправил знатного окольничего, Константина Заболоцкого, в Тавриду, чтобы удостовериться в искренней дружбе хана и взята с него присягу.

[1506 г.] Измена царя Казанского требовала мести. В сие время брат Алегамов, царевич Куйдакул, будучи нашим пленником, изъявил желание принять веру христианскую. Он жил в Ростове, в доме архиепископа: государь велел ему приехать в Москву; нашел в нем любезные свойства, ум, добронравие и ревность к познанию истинного Бога. Его окрестили торжественно на Москве-реке, в присутствии всего двора; назвали Петром и через месяц удостоили чести быть зятем государевым: великий князь выдал за него сестру свою, Евдокию и, сим брачным союзом как бы дав себе новое право располагать жребием Казани, начал готовиться к войне с нею. Дмитрий, Василиев брат, предводительствовал ратию, судовою и конною, с воеводами Федором Бельским, Шеиным, князем Александром Ростовским, Палецким, Курбским и другими. 22 мая пехота российская вышла на берег близ Казани. День был жаркий: утомленные воины сразились с неприятельскими толпами перед городом и теснили их, но конница татарская заехала им в тыл, отрезала от судов и сильным ударом смешала россиян. Множество

Василий III закончил завоевание Северо-восточной Руси присоединением к Москве последних уделов. В связи с усилением власти при московском дворе посылаются послы иностранных держав Востока и Запада. Русь потерпела отъ нашествія крымскаго хана Гирея.

Государь великий князь Василий Иоаннович.

Государь Великий князь Василий III Иоаннович.

Рисунок В. П. Верещагина из альбома «История государства Российского в изображениях его государственных правителей». 1890 г.

пало, утонуло в Поганом озере или отдалось в плен; другие открыли себе путь к судам и ждали конной рати: она пришла, но государь, сведав о первой неудаче и в тот же день выслал князя Василия Холмского с новыми полками к Казани, не велел Димитрию до их прибытия тревожить города. Димитрий послушался и посрамил себя еще более. Время славной ярмонки казанской приближалось: Магмет-Аминь, величаясь победою и думая, что россияне уже далеко, 22 июня веселился с князьями своими на лугу Арском, где стояло более тысячи шатров; купцы иноземные раскладывали товары,

народ гулял, жены сидели под тению наметов, дети играли. Вдруг явились полки московские: «Они как с неба упали на казанцев», — говорит летописец; топтали их, резали, гнали в город; бегущие давили друг друга и задыхались в тесноте улиц. Россияне могли бы легко взять Казань приступом: она сдалась бы им через пять или шесть дней, но утомленные победители хотели отдохнуть в шатрах: увидели там яства, напитки, множество вещей драгоценных и забыли войну; начался пир и грабёж: ночь прекратила оные, утро возобновило. Бояре, чиновники не жились под царскими наметами, лю-

Глава I

ЦАРСТВОВАНИЕ ФЕОДОРА ИОАННОВИЧА. 1584–1587 гг.

*Свойства Феодоры.
Члены Верховной думы.
Волнение народа.
Собрание Великой думы земской.
Царевич Димитрий и мать его
отправляются в Узлич.
Мятеж в Москве.
Власть и свойства Годунова.
Царское венчание Феодорова.
Разные милости.
Годунов — правитель царства.
Умирение черемисского бунта.
Вторичное покорение Сибири.
Сношения с Англиею и с Литвою.
Заговор против Годунова.
Сравнение Годунова с Адашевым.
Перемирие с Швециею. Посольство
в Австрию. Возобновление дружества
с Даниею. Дела крымские. Посольство
в Константинополь. Царь Иверский,
или Грузинский, данник России.
Дела с Персиею. Дела внутренние.
Основание Архангельска.
Строение Белого, или Царева, города
в Москве. Начало Уральска.
Опасности для Годунова.
Ссылки и казнь.
Жалостная смерть героя Шуйского.
Судьба Магнусова семейства.
Праздность Феодорова.*

«Первые дни по смерти тирана (говорит римский историк) бывают счастливейшими для народов», ибо конец страдания есть живейшее из человеческих удовольствий.

Но царствование жестокое часто готовит царствование слабое: новый венценосец, боясь уподобиться своему ненавистному предшественнику и желая снискать любовь общую, легко впадает в другую крайность, в послабление, вредное государству. Сего могли опасаться истинные друзья отечества, тем более что знали необыкновенную кротость наследника Иоаннова, соединенную в нем с умом робким, с набожностью беспредельною, с равнодушием к мирскому величию. На громоносном престоле свирепого мучителя Россия увидела *постника* и *молчальника*, более для келии и пещеры, нежели для власти державной рожденного: так, в часы искренности, говорил о Феодоре сам Иоанн, оплакивая смерть любимого старшего сына. Не наследовав ума царственного, Феодор не имел и сановитой наружности отца, ни мужественной красоты деда и прадеда: был росту малого, дрябл телом, лицом бледен, всегда улыбался, но без живости; двигался медленно, ходил неровным шагом, от слабости в ногах — одним словом, изъясняя в себе преждевременное из-

неможение сил естественных и душевных. Угадывая, что сей двадцатисемилетний государь, осужденный природою на всегдашнее малолетство духа, будет зависеть от вельмож или монахов, многие не смели радоваться концу тиранства, чтобы не пожалеть о нем во дни безначалия, козней и смут боярских, менее губительных для людей, но еще бедственнейших для великой державы, устроенной сильною, нераздельною властью царскою... К счастью России, Феодор, боясь власти, как опасного повода к грехам, вверил кормило государства руке искусной — и сие царствование, хотя не чуждое беззаконий, хотя и самым ужасным злодейством омраченное, казалось современникам милостию Божию, благоденствием, златым веком, ибо наступило после Иоаннова!

Новая пентархия, или Верховная дума, составленная умирающим Иоанном из *пяти вельмож*, была предметом общего внимания, надежды и страха. Князь Мстиславский отличался единственно знатностию рода и сана, будучи старшим боярином и воеводою. Никиту Романовича Юрьева уважали как брата незабвенной Анастасии и дядю государева, любили как вельможу благодушного, не очерненного даже и злословием в бедственные времена кровопийства. В князе Шуйском чтили славу великого подвига ратного, отважность и бодрость духа. Бельского, хитрого, гибкого, ненавидели как первого любимца Иоаннова. Уже знали редкие дарования Годунова и тем более опасались его, ибо он также умел снискать особенную милость тирана, был зятем гнусного Малюты Скура-

това, свойственником и другом (едва ли искренним) Бельского. — Прияв власть государственную, дума Верховная в самую первую ночь (18 марта) выслала из столицы многих известных служников Иоанновой лютоги, других заключила в темницы, а к родственникам вдовствующей царицы, Нагим, приставила стражу, обвиняя их в злых умыслах (вероятно, в намерении объявить юного Димитрия наследником Иоанновым). Москва волновалась, но бояре утишили сие волнение: торжественно присягнули Феодору вместе со всеми чиновниками и в следующее утро письменно обнародовали его воцарение. Отряды воинов ходили из улицы в улицу; пушки стояли на площадях. Немедленно послав гонцев в области с указом молиться о душе Иоанновой и счастливом царствовании Феодора, новое правительство созвало Великую думу земскую, знатнейшее духовенство, дворянство и всех людей именитых, чтобы взять некоторые общие меры для государственного устройства. Назначили день царского венчания, соборною грамотою утвердили его священные обряды, рассуждали о благосостоянии державы, о средствах облегчить народные тягости. Тогда же послали вдовствующую царицу с юным сыном, отца ее, братьев, всех Нагих, в город Углич, дав ей царскую службу, стольников, стряпчих, детей боярских и стрельцов для оберегания. Добрый Феодор, нежно прощаясь с младенцем Димитрием, обливался горькими слезами, как бы неволью исполняя долг болезненный для своего сердца. Сие удаление царевича, единственного наследника державы, могло казаться бле-

Наследникъ грознаго Феодораъ Иоанновича, слабый тѣломъ, тихій нравомъ, посвѣтилъ всю жизнь молитвамъ и посѣщенію монастырей, представлялъ управленіе дѣлами ширинѣ своему, Борису Годунову. Въ его царствованіе состоялись: вбѣденіе Патриаршества и прикрѣпленіе крестьянъ въ Убранчѣ палатъ отъ руки вѣицеъ Дмитрій, братъ Феодора, и народъ биниизъ въ этомъ престѣпленіи Годунова.

Царь Феодоръ Иоанновичъ.

Царь всея Руси и великий князь московский Федор I Иванович.
Рисунок В. П. Верещагина из альбома «История государства Российского
в изображениях его державных правителей». 1890 г.

стящую ссылкою, и пестун Димитриев, Бельский, не желая в ней участвовать, остался в Москве: он надеялся законодательствовать в Думе, но увидел грозу над собою.

Между тем как Россия славилла благие намерения новаго правительства, в Москве коварствовали зависть и незаконное властолюбие: сперва носились темные слухи о великой опасности, угрожающей юному монарху, а скоро

наименовали и человека, готового злодейством изумить Россию: сказали, что Бельский, будто бы отравив Иоанна, мыслит погубить и Феодора, умертвить всех бояр, возвести на престол своего друга и советника — Годунова! Тайными виновниками сей клеветы считали князей Шуйских, а Ляпуновых и Кикиных, дворян рязанских, их орудиями, возмутителями народа легковернаго, который, принявъ ону

ЖИВОПИСНЫЙ
КАРАМЗИН,
ИЛИ
РУССКАЯ ИСТОРИЯ
В КАРТИНАХ

Москва

Первая часть представляемого современному читателю старинного иллюстрированного издания «Живописный Карамзин, или Русская история в картинах» увидела свет в канун 70-летнего юбилея со дня рождения великого русского историка и выдающегося литератора Николая Михайловича Карамзина (1766–1826) и в ознаменование 10-летия окончания его фундаментального труда «История государства Российского».

Издатель «Живописного Карамзина» Андрей Прево представил российской публике своеобразное художественное переложение к знаменитому труду Н. М. Карамзина. Иллюстрированное издание было обращено к самому широкому кругу читателей и представляло собой собрание литографий, на которых были изображены ключевые моменты русской истории.

«Живописный Карамзин» состоит из 3-х частей: 1. От Рюрика до нашествия татар (860–1238); 2. От покорения России татарами до восшествия на престол благословенного дома Романовых (1238–1612); 3. От призвания на царство Михаила Федоровича Романова до вступления на престол императора Николая I-го (1611–1825). Для оформления книги были использованы 160 иллюстраций Бориса Артемьевича Чорикова (1802–

1866) — знаменитого русского художника академического направления.

При работе над «Историей государства Российского» Б. А. Чориков создал более 300 рисунков, на основе которых затем были сделаны литографии. Каждая иллюстрация сопровождается названием, вписанным в общую структуру литографии, и пояснительным текстом. В первых двух томах (1836, 1838 гг.) пояснительный текст к литографиям был подготовлен Владимиром Михайловичем Строевым (1812–1862), автором исторических книг, журналистом, переводчиком. В третьем томе автором подробных пояснений к картинам стал Борис Михайлович Федоров (1798–1875).

Необычная подача исторического материала с использованием множества иллюстраций сделала издание «Живописного Карамзина» невероятно востребованным. Однако сегодняшнему российскому читателю эти литографии известны только частично. В представленной книге мы приводим все три части полностью и по составу публикации, и по объему изданного материала.

Выражаем признательность Льву Ровваргу (Германия) и Эрику Оноблю (Франция), любезно предоставившим в распоряжение издательства старинные раритеты.

1.

ОСНОВАНИЕ ГОСУДАРСТВА.

Европейская Россія издревле была обитаема *Славянами*, дѣлввшимися на разные племена. *Поляне*, жили въ нынѣшней Кіевской губерніи; *Радиличи* и *Вятичи*, на рѣкахъ Соже и Окѣ; *Древляне*, на Сѣверо-Западѣ отъ Полянъ; *Сѣверяне*, на рѣкахъ Деснѣ и Сулѣ; *Бужане*, на Бугѣ; *Лутизи* и *Тиверцы*, на Днѣстрѣ; *Положане*, на рѣкѣ Полотѣ; *Кривизи*, на Днѣпрѣ и Западной Двинѣ. На Сѣверѣ нынѣшней Европейской Россіи жили народы Финскаго происхожденія: *Меря*, около Ростова; *Муroma*, на Окѣ; *Черемиса*, *Мордва* и *Мещера* на Юго-Востокѣ отъ Мери; *Ливъ*, въ Ливоніи; *Чудъ* въ Эстоніи; *Нарова*, по рѣкѣ Нарвѣ; *Ямъ* въ Финляндіи; *Весь*, при Бѣломъ Озерѣ; *Пермь*, въ нынѣшней Пермской губерніи и *Пегора*, по рѣкѣ Печорѣ. Славяне, поселившіеся на берегахъ Волхова, близъ озера Ильменя, основали *Новгородъ* и учредили въ немъ народное правленіе.

Славяне были храбры, склонны въ грабежу, свято соблюдали цѣломудріе и гостепрѣимство; поклонялись многимъ богамъ и занимались земледѣліемъ и скотоводствомъ. Правленіе у нихъ было патріархальное: старѣйшій въ семействѣ имѣлъ полную власть надъ нимъ и надъ землею, ему принадлежавшею.

Сѣверные Славяне много терпѣли отъ нападеній *Нордмановъ* (называвшихся также *Варягами* и *Руссами*), жившихъ въ Скандинавіи. Новгородскій старѣйшина Гостомысль, желая спасти Новгородскихъ Славянъ отъ безначалія, присоветывалъ имъ учредить правленіе монархическое и избрать себѣ Правителя изъ Нордмановъ. Преданіе говоритъ, что этотъ совѣтъ данъ былъ мудрымъ Гостомысломъ въ 860 году по Р. Х.

